

— Мне было полгода, когда отец убил маму.

Девушка была полна достоинством: гранёные черты: высокий лоб, прямой нос, выпуклый подбородок, который принято называть «волевым». Губы — резко очерченные, своенравные. Надменные стрелки бровей.

— Приревновал? — Иван думал, что если мать была похожа на дочь, то можно сойти с ума от ревности.

— Обкурился. Им было по восемнадцать. В Чуфут-Кале они кружили с запрокинутыми головами в рукотворной пещере. Сколько труда надо положить, чтобы выскрести у скалы нутро?! Стены до сих пор хранили сантиметр за сантиметром словно бы выгрызенные ложбинки. Чтобы прокормиться, человек тратил усилий с напёрсток в сравнении с непомерным трудом на то, чтобы защититься, остаться в живых, спрятаться, укрыться от врага. Или же, наоборот, поймать его, засадить в каменный мешок и сделать рабом.

— Отец отсидел двенадцать лет, — рассказывала Злата. — Когда вернулся, мне было двенадцать. А ему всего тридцать. Мне он таким старым показался! Вот тогда я начала танцевать в стриптизе.

— В двенадцать?!
— Выглядела почти так же, как сейчас, худее только. Танцами и рисованием занималась: костюмы, которые ты видел у нас, — по моим эскизам. Меня пригласили выступать: я не понимала, куда попала, думала, что стала артисткой.

По обе стороны распада, в отвесных скалах, словно чужинские норы, зияли глазки монашеских келий. Какое чудо тысячелетия назад помогало беглым византийским монахам вырубать в камне эти жилища: не птицы же они, чтобы висеть в воздухе? Страх? Да нет, эти знали только Божий страх, потому и уходили в далекие земли, спасая веру.

К наскальному Храму, сооружённому тогда же, вёл долгий каменный подъём.
— Мне было полгода, а кажется, что я всё помню. Как отец зашёл, как мама испугалась. Как он бил её ножом. А я лежала в койске. Может, это потому что взрослые потом об этом много говорили.

Как она несла себя: с ума сойти можно! Ни одного лишнего движения, ни радости, ни горя — признак «белой косточки».

— Отец хотел меня забрать, когда вернулся, — они восходили по каменной дороге. — Или помогать, говорит, буду. Я на порог не пустила. Увидела, что на него похожа, и раньше об этом говорили. Но мне хотелось на мать быть похожей. Увидела, что на него, и как отсекла: не приходи, говорю, больше.

Около притвора горбоносый православный монах с густой чёрной бородой — словно вчера из Византии — объяснял прихожанам туристам, почему в долине происходят столкновения с татарами-мусульманами: вышло из-за того, из-за чего люди дрались всю жизнь — из-за земли.

— И что, ты отца так больше и не видела?

— Нет.
— И ничего не знаешь про него?

— Почему? Знаю. Он недалеко живёт, в Старом Крыму.

— Это же по пути. Мы проезжали. Злата кивнула.

— Женился, ребёнок у него. Мальчик. Звонил недавно мне. Говорит, бабушка умерла — его мама, — приезжай. От неё дом остался, по завещанию, часть принадлежит мне.

Он смотрел вопросительно.

— Что я его, резать буду, — чуть пожалла она плечом, — там же люди живут?

— Можно взять деньги.

— Не хочу. Ничего от них не хочу.

Сумрак стоял в храме, двигались полутени. В туго повязанном белом платке Злата стала похожа на древнюю воеводу ильи греческую богиню правосудия — Фемиду.

Арбузы, надрезанные для пробы, дыни высились горами, пестрели лотки с яблоками, клубничкой, помидорами и прочей зеленью. «Старый Крым» — оповещал знак у дороги. Ферамон невольно посмотрел на Златку, как она? Изваяние.

— Вот здесь он живёт, — кивнула Злата вглубь пересекающей улицы, — в конце, третий дом от реки.

Иван резко свернул к обочине.
— Там река?

— Пруд.

— Заведём?

— На пруд? Он грязный.

— К отцу.

— Зачем?

— Ты же всё равно о нём думаешь. И думать будешь.

— Тебе это зачем?

— Не могу, когда женщина со мной думает о другом. Пусть это отец.

Она улыбнулась.

— Не из-за наследства. Я бы хотела задать один вопрос. Только один вопрос.

Миновала встречная машина, и руль податливо стал набирать левые круги.

Рослый молодой мужчина заливал фундамент пристройки к дому. Обнажённый по пояс, мускулистый, с выгоревшими русыми длинными волосами, налегающими на уши, работник, скорее, был похож на актёра, игравшего принцев. Но по тому, как человек внешне не придавал значения, не замечал остановившейся напротив его дома машины с тонированными стеклами, из которой не выходит, а явно наблюдают за ним люди, как при этом настороженно собрался и следил боковым зрением, можно было определить в нём бывшего «сидельца».

— Вперёд, — повёл головой Ферамон.

Злата улыбаясь набрала грудью воздух. Теперь она не скрывала волнения.

Мужчина распрямился, лишь в первое мгновение глаза его пробежали по двум принавившимся людям. В следующее — он смотрел только на дочь.

Если фигура его ещё сохранила юношескую стать и силу, то лицо было почти старческим, с глубокими морщинами на лбу.

Отец впустил дочь, мельком глянул на Ивана, на машину, на брошенную работу. Опередил Злату, шагнул к двери дома, передумал, повёл на летнюю терраску в сад.

Хозяин принёс закуски. Ваня выставил выпивку — без бутылки он обычно на дорогу не отправлялся.

Златка долила себе в стакан до того уровня, который был у отца. Понужнула одним хлопком, по-мужски.

— Как ты? — вопрос отца относился ко всей её жизни.

— Нормально, — пожалла плечом дочь.

— Работаешь где?

— Танцую.

Отец продолжительно кивнул. Помолчали.

Хозяин снова посмотрел на машину, на Ивана, хотел что-то спросить, но не стал.

— Я не живу прошлым. Я люблю танцевать. Я танцую. У меня был муж. Ну, не совсем муж: гражданский брак.

— Муж? Когда ж ты успела?

— Он был из крымских татар, милиционер.

Он поставил условия: брось стриптиз. А я не хочу — мне это нравится.

— Танцевать? Или обнажаться?

Она подумала:

— И то, и то. Это такое чувство... Совсем не то, что я голая, продаюсь. Муж бил меня но-

Родился на Алтае, окончил Ленинградский театральный институт и Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького. Автор 10-ти книг прозы. Переводился на многие языки мира. По повести «Двое на голыи земле» снят художественный фильм. Он один из создателей кинокартины «Таина Чингисхана», выдвинутой на «Оскар». Книгу «Можно ли Россию пешком обойти?» Валентин Распутин назвал написанной «в точном соответствии со временем». Рассказ «Я могу хоть в валенке дышать», изданный в журнале «Москва», вошёл в антологию «Шедевры русской литературы XX века» (РАНСКО), а автор был удостоен диплома ЮНЕСКО «За вклад в мировую культуру». Роман «Танец единения душ», посвящённый первым искателям алмазов, принёс В. Карпову Большую литературную премию России. Перевёл на русский язык многие произведения писателей севера. Автор и ведущий радиосериала «История русской истории в лицах «Национальный герой». Сайт: vladimirkarпов.ru.

Владимир Карпов

Злата

Рассказ из эпопеи «Ферамон»

— Мне журнал с тобой принесли! — вскопчил он.

Руки отца подрагивали: он не знал, как к этому относиться, — на титульной обложке была фотография дочки: со спины, влопоборота, с чёрными полосками стринг ниже пояса. «Мисс Эротика», — гласила крупная надпись.

— Мне говорили, — едва глянула Злата. — Письма стали приходять. Сама я не видела.

Иван снова налил отцу и дочери — ей меньше. Златка опять дополнила стакан.

— Дом от матери остался. Избушка. Продать думаем. Тебе четверть часть

— Ты зачем маму убил? — заострила взгляд дочь.

Они сидели друг против друга, два, словно точёных, профиля. «Шлятичи», — подумал Ваня.

Отец молчал долго. Медленно опускал голову. Лоб ещё круче забурвился морщинами.

— Так мне легче, — тихо поднял он глаза.

— И не жалеешь?

— Так мне легче. — Твёрже повторил он.

Женщина, молодая, полная, с тяжёлой сумкой в руке, отворяла калитку. Внимательно смотрела в сторону терраски. Мальчик лет пяти, опередив мать, побежал по тропинке.

— Папа, мы машинку купили! — протягивал он игрушку.

Остановился в застенчивости, наткнувшись на взгляд строгой «тетя».

— Иди сюда, познакомься... — Отец осёкся, не зная как назвать, как представить дочь — сестру мальчуга.

— Пошли, — будто жена, кивнула девушка Ивану.

Резко поднялась.

— Я понимаю, что я тебе должен! Но я нищий! Я бы тебе весь дом отдал, но там не я решаю, там дети сестры.

— Не надо мне ничего от тебя! От вас ничего не надо! Ему так легче! А ты думал, как мне?!

Мне легче?! Я росла, маму твою не видела! Где она была?! Бабушка нашлась! Перед Богом она откупиться захотела! Не надо! Я сама заработаю!

— Заработаешь! — потряс журналом отец.

— Заработано, — вырвала Злата журнал.

Хлопнула калиткой. Хлопнула дверцей машины. Исчезла за непроницаемыми стеклами.

Иван пожал руку мужику, мол, ничего, перемелется, мука будет, жисть.

Журнал с фотографией уходящей обнажённой Златы лежал на заднем сидении.

Она долго смотрела вперёд, затем положила ему голову на плечо: неожиданно мягко, приотвись, как маленькая обиженная девочка. Он был чужим мужчиной, мужиком, которого хотелось ощущать родным.

Злата потянула его в горы над морем: машину они оставили внизу. Раскинулся морской простор, яхта, чуть накрываясь, держала курс вдоль берега, было видно полоски пляжей с маленькими людьми.

— Здесь я лишилась девственности, — вела его по своей жизни Злата. — Мне было четырнадцать лет. А ему двадцать два. Он был очень красивый лицом, но невысокий ростом. Выглядел моложе. Он и сказал, что ему восемнадцать. А я прибила, будто мне семнадцать: так и выглядела, на семнадцать. Он стал звать меня замуж. Тогда я ему сказала, что мне четырнадцать. Он так испугался! Так меня ругал! Мы с ним остались хорошими друзьями.

— Почему ты всегда говоришь о прошлом?

— О чём ты хочешь, чтобы я говорила?

— Говори, о чём хочешь, мне интересно. Просто, когда человек живёт прошлым, ему трудно зажить настоящим.

я сказала, что из танцев не уйду. Больше мне ничего не интересно.

Камень лежал вокруг с редкими прогалинами жидкой травы. Девушка смотрела чуть искоса. Он должен был стать первым её мужчиной. И она должна была стать девственницей, отдавшей его себя.

Ева, которую Бог дал человеку, должна была быть именно такой. Спадающие волосы, развёрнутые плечи, прямая, чуть прогнутая спина, гладкие полушария ягодиц, всё ровно в меру, хищно и складно скроено, напоено силы. «Фжи-их», — прокатилась волна прибоа.

Она была очень сильной, привыкла летать, кружиться вокруг шеста. Она заставила море ходить волнами от края до края. Она вымещала обиду, лечила боль, она хотела быть любимой.

И была холодна. Была почти бесчувственна. Потому что хотела быть с ним, хотела быть с тем, первым, с другим, жажда быть нужной, но она, будучи и с тем, первым, и с ним, и с другим, ещё не была ни с кем. Была ли она в себе? Собой? Или эта прекрасная телесная оболочка жила автономно, отдельно от души, оставшейся там, где ей было двенадцать лет?

— Италиянец, — Злата показывала фотографии, приподнявшись на локте. — А это предприниматель из Киева.

— Это же Воронский? — узнал Ваня пожилого актёра на небрежно брошенном снимке.

— Пишет, что я ему напомнила его первую любовь.

Вдруг её голос совершенно изменился, наполнившись почтительной серьёзностью:

— А это из тюрьмы. — Держала она отдельно сложенную пачку.

Тюрьма ли, куда отправили папу и о которой постоянно вспоминали вокруг, жила в ней с детских лет? Или то сёрдобольное бабье чувство, которое на Руси извечно вело жён за сельными мужьями в Сибирь, на каторгу?

От последнего снимка — Злата катнула его, не в силах сама оторваться, — дыхла холодо, подземным, знакомым, стылым. В чёрной робе, с номером на груди, с развилкой шрамов на бритой голове, с фотографией смотрел несомненный красавец: пытанный, сильный, суровый.

— Лет десять срок? — предположил Иван.

— Четырнадцать. Двенадцать отсидел.

— Убийство?

— Грабежи и убийства.

— Хороший жених.

— И мне он понравился, — чуть смущённо сказала она.

Ваня вздохнул.

— Он пишет, что выйдет и начнёт новую жизнь. Будет работать, учиться.

— Ты к нему ездил?

— Собираюсь, — она забрала снимок. — У меня был муж, милиционер, он меня ногами избивал. Я его не боялась, смеялась над ним.

А этот, только на фотку гляну, жуть берёт, — возбужденно проговорила она.

Он рассмеялся.

— Вот ведь что женщине надо!

Мысленно он видел: девочка в белых колготках поднимала ножку перед зеркалом в танцевальной студии. Какой же удивительной ей виделась жизнь впереди?!

Утромно щёлкнул ключ, с перестуком открылся засов. Тяжело подалась вперёд массивная литая дверь.

Сколько раз в детстве Злате мерещилось, как придет к отцу. Так же, на свидание. Незаметно, в рукаве, пронесёт с собой нож, маленький, перочинный. И, когда они останутся вдвоём, вытщит нож и ударит отца прямо в сердце. За маму. За бабушку, которую стала звать мамой.

Злата переступила порог тюремной камеры — комнаты свиданий.

Он стоял, её избранник, такой, каким рисовала она мужчину, когда училась в художественной школе: нависал скалой, затмевал пространство широкими плечами:

— Не верил, что ты приедешь, — над крутым подбородком проплыла застенчивая улыбка.

— Я обещала.

Он повернулся к охраннику в военной одежде, протянул деньги, много:

— Коньяку, шампанского, шоколад, закуски разной. И цветы. Цветы найди! — распорядился заключённый, будто перед ним был офицант.

— Остаться можешь? — глаза его по обе стороны тонкой, чуть расплюсченной переносицы смотрели с надеждой. Добрые глаза.

— Здесь? — удивилась она.

— Ну, не совсем. До завтра, дня на два. Есть помещение, для близких родственников.

— Для близких?

— Для жён, матерей.

— А ты где будешь?

Он помолчал.

— С тобой?

— Так можно?

— Договорюсь, — положил он руку на карман.

Вновь щёлкали замки. Двигались, как заводные, вооружённые конвоиры. Стучали, уходя в свои оковы за спинами, по другую сторону запирающихся дверей, тяжёлые засовы.

Замкнутое пространство. Решётка на окне. Страх, промелькнувший, острый: а как не выпустят отсюда? — скатился от плеч по локоткам, застыл ледянными каплями в кончиках пальцев. Он положил на её плечо руку — силь-

Рома был немногословен, кивал с пониманием, располагая к себе участием.

Молодым постелили в новой пристройке, а Ване — в смежной комнате.

В ночной тиши хорошо различались звуки шуршания одежды, сбившегося дыхания, взаимного движение тел: стенка была из оргалита — одно название, что стенка. У Вани даже под ложечкой засосало — так вдруг стало досадно, что Златка не с ним.

— Валишь надо твоего тятю, — будто треснула сухая ветвь, прозвучал мужской голос.

— Зачем? — чувствовалось, как женщина отстранилась от мужчины.

— Ты же хотела за маму отомстить?

— Хотела.

— Бабки возьмём? они твои.

— Сопенье в тишине. Одинокое, долгое.

— Я документы подписывала у нотариуса.

Нас тут все видели! — женщина зывала к здравомыслию.

— Ма-аленькая, я всё разложи-ил, — хищника распяла скорая добыча. — Картёжник всегда всё сечёт. Москва твой хлеб резал. Пальцы на носе его-о!..

— И что?

— Он с России. Его искать не будут.

Она молчала. Продолжительно молчала.

— Он уезжать не собирался.

— Море большое. Он же на море приехал? — Рома нетерпеливо хихикнул, уверенный в своём хитром умном плане. — Тачка наша!

— Машина российская.

— Номера перебьют.

Иван прислушивался, ожидая, что она начнёт отговаривать мужа, защищая его, такого внимательного друга, привезшего их сюда.

Скрипнула половица. Наступила тишина.

Никаких противоречий. Только дыхание.

Ваня думал. Он заприметил у ворот лопату и теперь решал: сходить, взять и сходу уделать этого Рому. Или разумней спокойно выйти, открыть ворота во дворе, сесть в машину — и поминай как звали.

На воротах, с внутренней стороны, висел замок: хозяин, зная, позаботился о сохранности его машины, запер двор. Ваня постоял, кинув руки на штакетины забора, посмотрел на звёзды. Вечно его тянет влезть в какую-нибудь муть, и зачем всё это ему надо?! Уйти, оставив машину, в баре где-нибудь посидеть до утра, вернуться а как раз узнать, чем тут всё закончится? Или разбудить хозяйина: предупредить человека. Заодно ворота откроет?

— Замучил, — рядом закуривала Злата.

Лопата стояла у забора, по левую руку: ухо надо было держать на чеку.

— Не выбегит тебя искать? — предупредил он девушку.

— Нет. Удовлетворение получил, теперь до утра будет храпеть. В тюрьме он был человек.

А здесь — хуже зверя. Что ему надо: заложить стакан, кого-нибудь избить. По улице идёшь с ним, видит человека, тот по телефону звонит хорошему или денеги достал — всё, у него ноздри раздуваются начинают. И не остановишь — бесполезно останавливать.

Иван это знал: некоторым нужна тюрьма, монастырь или жизнь под секирой, чтобы они были людьми. Так же иным женщинам нужны оковы, висащая на стене камча, грозящая в каждый миг пройтись по спине, опасность бинения камнями, строгие нравы и суровый моральный суд, — иначе они себе не будут рады. А возведи рамки, устраняющие личный выбор, — и отличный работник, служака, исполнитель.

Она курила, смотрела во тьму, рассказывала: освобождала душу.

— Он же картёжник, что он, картами не может зарабатывать? — был по возможности спокоен Иван.

— С кем здесь играть? Одна нищета.

— Ну, не знаю. Сколько приезжит? Да и здесь богатеньких-то!..

— К ним его не допустят. — Златка вдруг резко поддалась к нему, посмотрела с надеждой. — Вот если бы с тобой, на пару? Вот пошло бы?!

Он ответил изумлённым взглядом, усмехнулся.

Усмехнулась и она, понимая.

Они замерли, глядя друг на друга...

Ферамон не успел даже шелохнуться — обнаружил себя под воротами. От удара горел висок.

Роман мог бы забить его кулаками и ногами. Но «боец без правил» стоял над ним с ножом.

— Бабло, ксиву, ключи от мотора, — теперь он был блатным.

У Вани появилась возможность подняться, он лез в один карман, вставая на колено, рылся в другом, распрямляя ногу. Отдавал, оттягивая время, что требовали. Понимал — выбора нет. Нож, при любом исходе, Рома пустит в ход. Лопата стояла, прислонённая к штакетине. Не успеть!

— Не у меня, мне не надо крови! — отец Златы влетел между ними. Он уже не боялся, был зол. — Ты знаешь, он мой гость, здесь я за него отвечаю.

— И ты знаешь. Я не проститутка, — показывала Рома нож в руке. — Не он — тогда ты.

— Тогда я, — встала перед мужем Злата.

— Отойди, уйди, дура! — завопил Рома, — заваю же!!!

— Всё равно жизни не видела